

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 20
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Покаяніе грѣха.—Съ чего и какъ нужно начинать обновленіе нашей жизни.—Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Пилуса*.—Горе священника.—Воззваніе предъ сборомъ пожертвованій на построеніе новаго храма во имя Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ въ м. Тюрбебри.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПОЗНАНІЕ ГРѢХА.

Отъ чего грѣхъ узнается? вопрошаешь.—Отвѣтъ: отъ закона и разсмотрѣнія совѣсти. Законъ глаголетъ: *не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради, не злослови, не оклеветай, не гнѣвайся, и проч.* Но когда человѣкъ сія слышитъ, или читаетъ, то въ совѣсть смотритъ, и разсуждаетъ, и разсматриваетъ, не дѣлалъ ли, или не дѣлаетъ ли того, что законъ, запрещаетъ,—и такъ узнаетъ грѣхъ. Совѣсть бо согласна закону Божию; что обличаетъ законъ, то и совѣсть, и когда совѣсть въ чемъ не обличаетъ человѣка, то и законъ его въ томъ не обличаетъ. Поставь убо совѣсть твою противу закона, какъ ставишь лицо противу зеркала, и такъ разсуждай законъ, и совѣсть разсматривай; напр. законъ говоритъ: не обижай ближняго: видишь, что законъ тебѣ повелѣваетъ. На сіе запрещеніе смотри, посмотри въ совѣсть твою, не дѣлалъ ли, или не дѣлаешь ли ты того, что запрещаетъ законъ: и когда видишь тое въ совѣсти, то и узнаешь, что ты согрѣшилъ противу Божія закона. Тако отъ закона и разсмотрѣнія совѣсти узнаешь грѣхъ; такъ и о прочихъ грѣхахъ разумѣй. Совѣсть бо солгать не можетъ: тое свидѣтельствуеть, что въ ней есть. Нарушенный законъ и отъ грѣшника слышанный, или чтомый, ударяетъ въ совѣсть согрѣшившаго; а совѣсть, закона преступленіемъ раздраженная, обличаетъ человѣка за грѣхъ, и такъ законъ и совѣсть въ познаніе грѣха приводитъ согрѣшившаго. Въ совѣсти бо всякій грѣхъ записывается, какъ въ книгѣ, и хотя бы сокрыть хотѣлъ человѣкъ грѣхъ, отъ совѣсти сокрыти не можетъ. Почитайте убо заповѣди Божія и смотри въ совѣсть и увидишь, въ чемъ ты согрѣшилъ и тако въ познаніе грѣховъ будешь приходитъ; а отъ познанія грѣховъ послѣдуетъ покаяніе, а оттуда послѣдуетъ страхъ суда, ибо законъ нарушенный грѣшнику гнѣвъ Божій возвѣщаетъ,—послѣдуетъ стыдъ, что самъ себе стыдиться будетъ въ томъ, что онъ, земля и пепель, Бога, Царя и Господа не слушаемъ; послѣдуетъ печаль и болѣзнь сердца,

что Создателя своего и Благодѣтеля, Котораго паче всего долженъ почитать, непослушаніемъ и своевольствомъ не почиталъ. Все сіе отъ разсужденія закона разореннаго и грѣхомъ раздраженныя совѣсти и разсмотрѣнія, послѣдуетъ. Аще бо, согрѣшивше противу земнаго царя, и узнавше грѣхъ, боимся суда его, и стыдимся и печалимся, что такъ худо сдѣлали, и величество Его оскорбили: кольми паче послѣдуетъ тое, когда узнаемъ грѣхъ нашъ противу Царя небеснаго содѣланный. Всякій бо царь земный, хотя и высокъ и великъ честию есть, однакожь предъ Богомъ какъ ничто, ибо такой же человекъ, какъ и мы. Всякій же грѣхъ бываетъ противу Бога, яко тѣмъ законъ Его святой нарушается; бываетъ же или непосредственно, или посредственно. Непосредственно, когда противу Его Самого грѣшимъ, то-есть, или не вѣримъ Ему, или имене Его не почитаемъ, и проч. Посредственно, когда противу ближняго грѣшимъ, или словомъ, и дѣломъ: Богъ бо и сіе запретилъ. Видишь убо, отъ чего грѣхъ познавается. Познаемъ убо грѣхи наши. Се бо есть начало покаянія.

(Изъ твореній Святителя Тихона Задонскаго),

Съ чего и какъ нужно начинать обновленіе нашей жизни.

(Окончаніе).

Итакъ, по слову Божію и по признанію лучшихъ людей, возрожденіе человека нужно начинать не съ перемѣны внѣшнихъ условій жизни, а съ-внутри его самого; намъ, прежде всего и главнѣе всего, нужно нравственно перевоспитывать себя, и потомъ уже браться за улучшеніе внѣшнихъ условій жизни; иначе, вмѣсто улучшенія, можно впасть въ болѣе худшія условія, чѣмъ при какихъ приходится жить теперь. А что послѣднее возможно, въ этомъ насъ убѣждаютъ современныя событія общественной жизни. Постоянныя смуты, оскверненія святыхъ, грабежи, убійства, уличныя безпорядки, глумленіе надъ правительствомъ, забастовки и прочіе безнравственные поступки, — вотъ чѣмъ богато наше время. Но чѣмъ же можно объяснить всѣ перечисленныя дѣянія, какъ не безнравственностью людей, совершающихъ ихъ? Чѣмъ инымъ также можно объяснить, напр. сочувствіе нѣкоторой части общества преступной дѣятельности революціонеровъ,

какъ не упадкомъ нравственнаго и религіознаго чувства?—Да, нравственно испорченный человѣкъ можетъ все употребить во зло. Напримѣръ, великое благо для народа—свобода печати. А вотъ и она, при недобросовѣстности своихъ руководителей, вмѣсто благодѣянія, доставила обществу несравненно больше зла, чѣмъ добра; потому что почти всѣ газеты и журналы наполнены сплошною ложью, подстрекательствами къ возмущенію противъ правительства, къ убійствамъ, грабежамъ и тому подобнымъ насиліямъ. Несомнѣнно, что будь наше такъ называемое „интеллигентное“ общество по своей нравственности выше, чѣмъ оно есть теперь, оно никогда не позволило бы ни себѣ, ни другимъ совершать такіе ужасы: *„только злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое, добрый же изъ добраго сокровища выноситъ доброе“*.

Нѣтъ нужды приводить еще доказательства, подтверждающія высказанную выше мысль, что возрожденіе человѣка нужно начинать съ-внутри его самого.—Да, людямъ необходимо обращать болѣе вниманія на свое поведеніе, на свою внутреннюю жизнь, необходимо стараться перевоспитать себя нравственно.

Но гдѣ же и въ чемъ такое воспитаніе?

Истинное воспитаніе возможно только при условіи самой тѣсной родственной связи человѣка съ Церковью. Только св. Церковь Христова есть живою, непогрѣшительный истолкователь и чистый источникъ нравственнаго ученія, столпъ и утверженіе истины (1 Тим. 3, 15), самый надежный руководитель вѣрующихъ къ высокому Евангельскому совершенству. Св. Ириной пишетъ: „не должно искать истины у другихъ, но должно научиться ей у Церкви, въ которую, какъ въ богатое хранилище, апостолы положили все, что есть истиннаго. Здѣсь кто хочетъ, да почерпаетъ животворное питіе, здѣсь-то дверь жизни“. Также точно учили и другіе св. отцы и учителя Церкви.

По мнѣнію многихъ богослововъ и философовъ нашего времени, безъ вѣры въ Бога и внѣ Церкви безусловно не можетъ быть истинной нравственности. Къ этому же приходятъ и ученые историки. Они заявляютъ, что все, что есть въ нашей жизни наиболѣе свѣтлаго, радостнаго, истинно человѣческаго,—все, что даетъ отраду и успокоеніе нашему мятущемуся сердцу,—что превышаетъ и окрыляетъ нашъ духъ свѣтлыми упованіями на будущее,—все это имѣетъ свою основу въ христіанствѣ, выросло изъ его корня.—Христіанское ученіе, дѣйствительно, постепенно смягчало сердца людей, преобразовывало ихъ нравы, уничтожало рабство и насиліе, уменьшало жестокость и неправду. Подъ влияніемъ христіанства презрительное, жестокое отношеніе древняго міра къ разнаго рода несчастнымъ людямъ—калѣкамъ, неприютнымъ, голоднымъ, преступникамъ,—сдѣнилось братскимъ

отношеніемъ. „Во имя любви хрістіанской, говоритъ одинъ ученый богословъ и пастырь Церкви, стали воздвигаться въ мірѣ невиданныя и неслыханныя дотолѣ благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, — богадѣльни, больницы, страннопріимницы, благотворительныя братства и союзы, пріюты, школы; свѣтъ и теплота любви хрістіанской стали проникать въ самые дома заключенія преступниковъ, на мѣста ихъ наказанія и ссылки, смягчая законы, измѣняя взглядъ на преступность, давая всѣмъ право защиты, отмѣняя жестокаго казни и пытки... Хрістіанствомъ проповѣдано было и осуществлено самое великое и единственно цѣнное равенство всѣхъ людей—равенство религиозно-нравственное: всѣ люди одинаково сотворены и сдѣлались грѣшны; одинаково всѣ одарены безсмертною душою, одинаково искуплены Хрістомъ и одинаково спасаются для вѣчной жизни Его благодатію, при всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ и положеніяхъ земной жизни“ („Хрістіанство и социализмъ“ соч. протоіерея І. Восторгова стр. 11).

По мѣрѣ того, какъ хрістіанское ученіе проникало въ сознаніе людей, улучшалось и матеріальное положеніе жизни. Доказано, что за послѣдніе сто лѣтъ жизнь рабочихъ улучшилась втрое, что ихъ заработокъ поднялся, что для пріобрѣтенія извѣстнаго количества хлѣба прежде надо было рабочему трудиться три дня, а теперь только одинъ день. (Доброе слово православно-русскому народу“, прот. Восторгова). Таково вліяніе Хрістіанскаго ученія на улучшение жизни всего человѣчества, по свидѣтельству людей, внимательно изучавшихъ исторію народовъ.

Благотворное вліяніе хрістіанской религіи и св. Церкви знакомо каждому хрістіанину и по личному опыту. Въ самомъ дѣлѣ, кого изъ насъ не трогали евангельскіе рассказы? Чей слухъ не улаждался чудными церковными пѣснопѣніями и молитвами, въ которыхъ, скажемъ словами поэта, „есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ, и дышетъ непонятная святая прелесть въ нихъ?“—Чье сердце не умилялось церковными торжествами? Кто изъ насъ, стоя въ храмѣ Божіемъ, не говорилъ себѣ внутренно, что нельзя быть истиннымъ хрістіаниномъ и въ тоже время творить зло? — Напротивъ, даже при временномъ отчужденіи отъ Церкви мы незамѣтно для себя впадаемъ въ нравственное огрубѣніе и постепенно теряемъ чуткость ко всему доброму и прекрасному.

Итакъ, „кто ищетъ правды, мира, радости, порядка, любви, равенства, справедливости въ отношеніяхъ людей, тотъ долженъ всѣми силами служить Хрістовой вѣрѣ и работать въ оградѣ Св. Церкви. Иного пути нѣтъ“. Только черезъ единеніе съ Церковью можно нравственно возвыситься а отъ этого-то и зави-

ситъ наше счастье. „Если,—скажемъ словами одного ученаго проповѣдника,—всѣ мы пойдемъ этимъ путемъ, то воистину тогда, и только тогда, мы доставимъ возможное счастье своей дорогой роди́нѣ“.

❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀

СНАЯ БОЖІА И НЕЖОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА. ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀ ❀

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

VIII.

Старшему моему брату не легко давалось ученье, и онъ по ночамъ со свѣчкой засиживался надъ своими уроками, но, при всемъ прилежаніи, часто не могъ отвѣчать урока наизусть, за что и попадало ему отъ учителей. Сидѣлъ онъ однажды до полуночи, твердя свои уроки къ слѣдующему дню, а поутру не могъ двухъ, трехъ строчекъ отвѣтить передъ учителемъ и священникомъ, у котораго мы жили. Священникъ назвалъ его болваномъ и съ угрозой сказалъ ему:

— „Счастливъ ты, что я иду служить Литургію, а то я отпоролъ бы тебя розгами. А вотъ, постой, приду изъ церкви и если ты у меня не выучишь урока, какъ слѣдуетъ, то я прикажу отпороть тебя, болванъ ты этакій!“

Я сидѣлъ тутъ же у другого стола и увидалъ, какъ у брата слезы закапали на столъ, и стало мнѣ жаль брата: за что же,—подумалось мнѣ, его сѣчь, когда онъ за уроками почти всю ночь напролетъ не спалъ? Пойду я въ церковь, помолюсь за брата Царицѣ Небесной, Она уже меня разъ послушала, Богъ дастъ, и на этотъ разъ не оставитъ.

Церковь отъ училища была недалеко,—за княжескимъ садомъ: стоило только перелѣзть черезъ невысокую ограду и—тамъ.... Задумано—сдѣлано! Я вышелъ изъ училища, попросившись выйти, а самъ—черезъ ограду да прямо въ церковь. Боясь, чтобы меня не увидѣлъ священникъ, я отворилъ одну половину двери и осторожно заглянулъ въ храмъ. Въ церкви только и было, что три старушки, заказавшія заупокойную обѣдню; священникъ и диаконъ были въ алтарѣ, а дьячекъ въ это время на клиросѣ пѣлъ: Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи.... Быстро проскользнулъ я въ церковь прямо на правую сторону придѣла, за колонну, и взглянулъ на иконостасъ.... Глаза

мои упали на икону Божіей Матери итальянской живописи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Какъ живые Они смотрѣли на меня. Я палъ передъ Святою Иконою весь въ слезахъ, на колѣни и со всѣмъ усердіемъ сталъ молиться Владычицѣ:

— „Матерь Божія Преблагословенная! Я пришелъ просить Тебя за брата моего, Θεодора: его священникъ обѣщаль за лѣность высѣчь розгами, а онъ всю ночь не спалъ, твердя уроки. Матерь Божія, сотвори милость—смягчи сердце учителя, отвори отъ брата моего наказаніе. Вѣдь, я вѣрую, что ты родила Господа Иисуса Христа, Который за насъ и наше спасеніе умеръ на Крестѣ и затѣмъ воскресъ. Я знаю всѣ заповѣди, знаю „Вѣрую“ съ начала до конца: смягчи же сердце учителя—мнѣ жаль брата. Если уже нужно его посѣчь, то пусть лучше меня за него накажутъ: очень мнѣ жаль брата. Дай, Матушка, брату моему побольше памяти, чтобы онъ также учился, какъ и прочіе умные ученики. Матерь Божія! Если Ты мою молитву услышишь, я всегда буду прибѣгать къ Тебѣ, а—нѣтъ, ни о чемъ Тебя просить не буду. А я этого не хочу: я хочу всегда прибѣгать къ Тебѣ съ молитвой!“

Съ этими словами я поклонился въ землю передъ Иконою, поцѣловаль на ней Богородицыны ножки и опять повторилъ:

— „Помоги, если можешь; а я знаю, что Ты можешь! А то я не буду уже больше просить Тебя ни о чемъ“.

Въ это время загѣли „Достойно есть, яко воистину“... и я выбѣжалъ изъ храма. Въ училищѣ старшіе ученики меня спросили, куда я бѣгалъ и гдѣ такъ долго былъ; я отговорился разстройствомъ желудка.

Вскорѣ за мной пришелъ изъ церкви и священникъ о. Іоаннъ. Я ждалъ съ трепетомъ, что будетъ онъ говорить брату. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ нему и ласково, ласково ему сказалъ:

— „Вотъ тебѣ въ благословеніе Богоматери святая просфора!“
Благословилъ ея брата и отдалъ со словами:

— „Тебѣ эта просфора отъ Божіей Матери въ благословеніе и улучшеніе твоего ученія. Молись Ей: Она тебѣ поможетъ, и ты будешь учиться хорошо!“

Можно себѣ представить, какъ поразили меня эти слова! Я заплакалъ и, выбѣжавъ стремглавъ изъ класса, палъ ницъ на землю и благодарилъ молитвенными слезами Матерь Божию за Ея великую и явную милость.

Съ тѣхъ поръ братъ сталъ гораздо лучше учиться и даже обогналъ многихъ другихъ своихъ товарищей.

IX.

Этотъ случай, такъ меня поразившій, произошелъ уже на второй годъ нашего съ братомъ ученія въ Зубриловской школѣ.

Вскорѣ послѣ этого княгиня съ дѣтьми стала собираться въ Петербургъ, а дѣти должны были передъ отъѣздомъ ѣхать къ князю, чтобы проститься. Княгиня велѣла имъ взять и насъ съ братомъ, чтобы повидаться съ родителями и съ ними вмѣстѣ вернуться въ Зубриловку. Когда мы доѣхали до села Макарова, княжескія дѣти не прямо поѣхали къ дому князя, а подѣхали къ квартирѣ нашихъ родителей и вмѣстѣ съ нами вошли въ домъ. Радостно удивились родители наши такой неожиданности. Подали чай, и за чаемъ княжата, улыбаясь, сказали нашей матери и бабушкѣ:

— „А знаете ли, для чего мы къ вамъ пріѣхали? Мама прислала насъ предложить вамъ, не согласитесь ли вы своего младшаго сына, Фединьку, отпустить съ нами въ Петербургъ, а тамъ и за границу, во Францію, учиться вмѣстѣ съ нами?“

Это подтвердили и пріѣхавшіе съ нами княжескіе учителя... И, Боже мой, что тутъ поднялось!—какъ перепугались мать моя и бабушка! Чуть не со слезами отвѣчали онѣ на это лестное предложеніе:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Куда намъ равняться съ княжескими дѣтьми!... Да, и къ чему намъ французскій и нѣмецкій языки! Выучили Священную Исторію и молитвы, да немножко ариѳметики—болѣе намъ ничего и не нужно. Вотъ, дѣтямъ княгини—другое дѣло, а намъ—всякъ сверчокъ знай свой шестокъ!“

Учителя и княжата стали увѣрять, что расходовать никакихъ не будетъ, что княгиня все беретъ на свой счетъ, что я вернусь къ нимъ человѣкомъ ученымъ, помощникомъ имъ и обезпеченнымъ на всю жизнь, но мать и бабушка и слышать ничего не хотѣли, заплакали и объявили наотрѣзъ, что сына своего меньшаго онѣ ни за границу, ни въ Петербургъ ни за что не отпустятъ.

— „Будемъ молиться за княгиню и дѣтей ея“, говорили онѣ: „чтобы Господь умножилъ имъ Свои милости и лѣта жизни; только пусть княгиня намъ не вмѣнитъ этого въ вину—намъ первое утѣшеніе видѣть дѣтей нашихъ при насъ: каждому свое дитя дорого“.

Такъ великъ былъ испугъ и горе ихъ, что княжата и не рады были, что разговоръ этотъ затѣяли и, напившись наскоро чаю и завѣривъ ихъ, что княгиня на нихъ не будетъ сердиться, они быстро собрались въ обратный путь, а намъ съ братомъ велѣли садиться въ экипажъ вмѣстѣ съ ними. Любезно распростились они съ матерью и бабушкой, мы съ ними расцѣловались и къ вечеру уже были въ Зубриловкѣ. Дня черезъ три княгиня съ дѣтьми выѣхала въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ мы получили отъ княжаты въ подарокъ ихъ картузы и сертучки, а впоследствии изъ Петербурга они мнѣ прислали чудесный перочинный ножичекъ съ пилочкой, вилочкой и иглой, а также пряниковъ.

Съ тѣхъ поръ я ихъ во всю свою жизнь больше не видѣлъ.

X.

Въ 1835 году мы выѣхали изъ села Макарова въ г. Балашовъ, гдѣ мой родитель выстроилъ два дома: одинъ каменный, а второй—дубовый изъ вѣсковыхъ дубовъ, бывшій господскій домъ, который родитель мой купилъ на сносъ. Въ этомъ домѣ поселился жить братъ моей матери и нашъ благодѣтель, Фока Андреевичъ Скларовъ; въ немъ онъ и скончался, какъ добрый христіанинъ, напутствованный Св. Тайнами.

Въ 1836 году родитель мой, было, оставившій службу, вновь поступилъ на мѣсто подвального въ г. Аткарскъ.

Жизнь моя въ теченіи 1835 года въ Балашовѣ осталась мнѣ на всю жизнь памятной, потому что отъ брата своего двоюроднаго я научился такому грѣху, о которомъ стыдно и глаголати. Великою милостью Божіею я былъ спасенъ отъ этого грѣха и вотъ какимъ образомъ:

Уже по переѣздѣ въ Аткарскъ, какъ-то разъ, по утру рано, родители мои, бабушка и крестная мать пили чай, а мы всѣ дѣти и другіе товарищи, у насъ ночевавшіе, вѣспали на полу въ сосѣдней комнатѣ. Дверь была открыта; я въ это время проснулся и понѣживался, и вдругъ слышу разговоръ между моими родителями и крестною моею, Любовью Ивановною, и въ разговорѣ этомъ часто повторяютъ мое имя.—Я прислушался и слышу:

— „Да, что-то изъ него будетъ?“ говорила моя мать: „помните, что священникъ-то вамъ сказалъ?... Да, да! вѣдь когда онъ родился, у насъ уже былъ сынъ Θεодоръ, а священникъ, давая молитву новорожденному, подошелъ ко мнѣ, я лежала тогда на кровати, задернутая пологомъ, — да и говоритъ: „желаю вамъ здравія; какое имя угодно вамъ дать новорожденному?“—Дайте, говорю, ему имя Николай. Сталъ молиться священникъ и, когда нужно было дать имя, онъ вдругъ остановился и умолкъ. Долго онъ молчалъ и, наконецъ, произнесъ имя—Θеодоръ. А я ему сказала, что у меня уже есть сынъ Θεодоръ. Когда онъ окончилъ молитву, я ему это помянула, а онъ мнѣ отвѣтилъ: ничего, при крещеніи исправимъ.... Пришелъ день крестинъ и вотъ что мнѣ рассказывала Θεдина крестная: взялъ священникъ въ руки ребенка, чтобы погрузить въ купель и только хотѣлъ произнести: крещается рабъ Божій, младенецъ.... да на словѣ этомъ запнулся и молчитъ. Минутъ пять, сказывала она, показалось мнѣ, онъ молчалъ такъ-то, и мы всѣ молчали. Слышимъ — погрузилъ ребенка съ именемъ Θεодоръ. Очень мы были этимъ недовольны. Когда кончилось таинство, крестная, а потомъ въ домѣ и мы приступили къ священнику съ выговоромъ, а онъ намъ на это отвѣтилъ: я вамъ, какъ священникъ, скажу — вѣдь, вы видѣли, что я стоялъ долго, не погружая младенца въ купель. Я желалъ дать ему имя Николай, но вотъ Богъ свидѣтель, что я въ ту

минуту забылъ всѣ имена, кромѣ имени Θεодоръ и другаго, при всемъ стараніи, произнести не могъ—точно у меня кто связалъ языкъ. И хочу вамъ сказать, замѣтите это: меня, быть можетъ, и въ живыхъ не будетъ, а вы припомните тогда: будетъ младенецъ этотъ, когда выростетъ, монахомъ“.

Я лежалъ и, затаивъ дыханіе, слушалъ этотъ разговоръ.... Что такое—монахи?—размышлялъ я,—никогда такого имени не слышалъ я.... Тѣмъ разговоръ обо мнѣ и закончился, но врѣзался онъ глубоко мнѣ въ память.

Впослѣдствіи я сталъ спрашивать бабушку о томъ, что такое монахи и какіе, вообще, бываютъ монахи, и бабушка мнѣ все разъяснила и рассказала о Кіевопечерскихъ Св. Отцахъ и о нетлѣнныхъ ихъ мощахъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Ярko запечатлѣлся этотъ бабушкинъ рассказъ въ моей памяти, и я просилъ бабушку, чтобы она, когда будетъ въ Кіевѣ, купила мнѣ тамъ книгу о Кіевскихъ угодникахъ, что бабушка вскорѣ и исполнила, сходявши въ Кіевъ на богомолье. Помню я вечера съ бабушкой, по возвращеніи ея изъ Кіева: зазоветъ она, бывало, меня къ себѣ въ комнату и заставляетъ меня читать ей вслухъ Патерикъ и, слушая, поясняетъ мнѣ житія Преподобныхъ. Съ тѣхъ вечеровъ зародилось у меня горячее желаніе, рано или поздно, побывать въ Кіево-Печерской Лаврѣ и все тамъ лично самому видѣть, о чемъ пишутъ и о чемъ говорятъ бабушка.

Тѣмъ временемъ пристрастіе мое къ грѣховному навѣку, приобрѣтенному отъ двоюроднаго брата все усиливалось. И вотъ приснился мнѣ страшный сонъ: вижу я, что будто я умеръ, и мое тѣло лежитъ бездыханнымъ; а самъ я, будто, своей душою стою рядомъ и гляжу на свой трупъ и удивляюсь.... И, вдругъ, увидѣлъ я двухъ Ангеловъ—одинъ, какъ бы мой Хранитель, и другой — какъ бы его начальникъ. Этотъ старшій Ангелъ и говоритъ моему Хранителю: „Что же ты стоишь?“

И Ангелъ мой какъ будто поднялъ меня на воздухъ и уже хотѣлъ летѣть со мною кверху, на небо, но старшій Ангелъ остановилъ его и сказалъ:

— „Куда ты хочешь летѣть съ нимъ?—Ему не туда дорога, а вонъ—его мѣсто!“—и Ангелъ указалъ своимъ перстомъ внизъ.

И когда я взглянулъ на указанное старшимъ Ангеломъ мѣсто, то увидѣлъ море огня пламенѣющаго, и въ немъ кишмя—кишѣли многія тысячи людей. Такое это было страшное видѣніе, что я и высказать не могу. Старшій Ангелъ, указывая рукой, опять сказалъ: „Вонъ ему мѣсто!“

И, когда я взглянулъ въ томъ направленіи, то увидалъ огонь синій и зеленый, и въ этотъ-то огонь и бросилъ меня мой Ангелъ-Хранитель... Боже мой! Сейчасъ содрогаюсь при этомъ вос-

поминаніи—такой ни съ чѣмъ несравнимый ужась и жгучую боль ощутилъ я тогда. А въ огонь этотъ я былъ погруженъ всѣмъ тѣломъ и съ головою. И я кричалъ отъ нестерпимой боли, а Ангелъ мой стоялъ и смотрѣлъ сверху на мое мученіе. Тогда старшій Ангелъ сказалъ ему:

— „Чего же ты еще ждешь?“

И Ангелъ, который меня бросилъ въ огонь, отвѣчалъ ему:

— „Да, жаль мнѣ его—онъ обѣщаетъ болѣе не грѣшнить!“

Старшій Ангелъ возразилъ:

— „Да, онъ не исполнить своего обѣщанія“....

Господи! Какъ же я кричалъ и плакалъ, и увѣрялъ, что больше грѣшнить не буду!

— „Ради Бога“, кричалъ я: „выньте меня изъ этого пламени!“

Тутъ мой Ангелъ-Хранитель взялъ меня за руку и вытащилъ.

И когда меня вытащили изъ адскаго пламени, тогда старшій Ангелъ спросилъ моего Хранителя:

— „А что, ты мнѣ ручаешься за него?“

Въ отвѣтъ на это мой Хранитель спросилъ меня:

— „Обѣщаешься ли не дѣлать того грѣха?“

— „Не буду, не буду“!—съ неописуемымъ страхомъ вошилъ я.

Тогда мой Ангелъ-Хранитель повернулъ меня къ себѣ спиной и такъ меня толкнулъ своей рукой въ затылокъ, что я, проснувшись, дня три ощущалъ боль въ затылкѣ.

Крикъ мой во снѣ былъ такой отчаянный, что разбудилъ всѣхъ домашнихъ. Потомъ меня спрашивали, что со мной было, но я отвѣтилъ, что ничего не помню.

Съ той поры я отсталъ совершенно отъ постыднаго моего грѣха; сталъ ходить съ бабушкой каждый день къ обѣднѣ, отказался ѣсть мясное и обѣдалъ уже съ бабушкой, потому что она скромное не ѣла и сама готовила себѣ отдѣльно постную пищу. Родители меня бранили, находя, что я выдумки выдумываю, прихотничаю, обвиняли въ этомъ и бабушку. А бабушка не была въ этомъ повинна: это я ужъ очень своего сна испугался. Каждый вечеръ въ ея комнатѣ читалъ я бабушкѣ Патерикъ, а она мнѣ рассказывала о мошакъ, о церквахъ, о подвигахъ, и я тайно сталъ по ночамъ молиться Богу, спать на дровахъ.... Замѣтила это какъ-то сестра моя, Екатерина, и рассказала матери и брату. Узналъ отъ нихъ о моихъ ночныхъ подвигахъ и мой отецъ и началъ выговаривать бабушкѣ:

— „Это вы, матушка, въ этомъ виноваты: сведете малаго-то съ ума“.... „Вотъ отпороть тебя хорошенько“, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: „и запретить тебѣ съ бабушкой обѣдать!“

Но тутъ ужъ маменька за меня заступилась и уговорила отца: пусть, де, себѣ подвижничаютъ съ бабушкой—ничего, молъ, тутъ дурнаго нѣтъ. Будеть постарше, и самъ не содлается всегда

ѣсть одинъ хлѣбъ да пить одну воду: пусть ихъ себѣ молятся...

Такъ насъ и оставили съ бабушкой въ покоѣ.

А во мнѣ все усиливалась и зрѣла мысль: какъ бы мнѣ это побывать въ Кіевѣ. *(Продолженіе слѣдуетъ).*

ГОРЕ СВЯЩЕННИКА.

I.

Поѣзжай скорѣе съ „исповѣдью“. Какъ бы не умеръ старикъ, слабымъ голосомъ говорила умирающая женщина своему мужу-священнику, стоявшему у ея изголовья. Мужъ колебался. Ему не хотѣлось разстаться съ женой, вотъ уже восьмой день болѣвшей опаснымъ недугомъ.

— Мнѣ сегодня легче, жаръ совсѣмъ снадаетъ, замѣтивъ колебаніе супруга, говорила больная. Поѣзжай, вѣдь скоро вернешься, здѣсь—недалеко.

Священникъ мало вѣрилъ словамъ жены, что ей легче. Потухающій взоръ, осунувшееся дорогое лицо свидѣтельствовало о противоположномъ. Медленно, намѣренно медленно собирался молодой батюшка на потребу, на которую пригласили его такъ не во время. Онъ ничего бы не пожалѣлъ для того, кто бы замѣнилъ его въ столь тягостные часы. Батюшка надѣялся, что больная остановитъ его. Но она еще разъ и очень рѣшительно повторила: „поѣзжай съ Богомъ, будь счастливъ“.

Перекрестивъ жену, священникъ посмотрѣлъ на нее долгимъ, долгимъ взглядомъ и, смахнувъ нависшую на рѣсницѣ слезу, вышелъ изъ комнаты.

Тихо плелась захудалая лошадка, запряженная въ неудобныя „кресла“. Была метелица. Снѣгъ слѣшилъ глаза. Сильный вѣтеръ отрывалъ воротникъ и полы батюшкиной шубы. Старательно кутаясь, священникъ сидѣлъ молча; онъ углубился въ свои печальныя думы.

— Какъ это жена могла простудиться и когда?

Наканунѣ, какъ слечь, она была веселая и оживленная. Никто не могъ подумать, что черезъ недѣлю она будетъ такою, какою онъ ее оставилъ теперь. Видъ жены печаль наводитъ. Поправится ли она?

— Батюшка, вдругъ заговариваетъ ямщикъ: меня что-то тоска беретъ. Вишь какая метелица-то. И не стариковъ ломаетъ. Что-то со старикомъ моимъ теперь? Застанемъ ли живого?..

Батюшку кольнуло. Сразу налетѣла мысль: а жена-то моя какъ теперь себя чувствуетъ, не нуждается ли въ его помощи, да и застанетъ ли онъ ее живою: вѣдь плоха она, нечего ему себя обманывать. И жгучая скорбь стѣснила грудь молодого

священника. Онъ вздрогнулъ отъ представленія такой возможности.

— Богъ дастъ, застанемъ; доживеть до насъ, буркнулъ онъ изъ-за воротника шубы сидѣвшему рядомъ съ нимъ крестьянину.

Долгимъ, безконечно долгимъ казался священнику часъ, который пришлось ѣхать до деревни, мѣстожителства старика Мирона. Показалась деревня. Вотъ домъ больного. Лошадка остановилась. Быстро вошелъ батюшка въ избу. Миронъ былъ еще живъ, но уже тяжело дышалъ. Батюшка горячо помолился у постели больного, исповѣдалъ его и причастилъ Св. Таинъ.

— Прости, батюшка, помолись ты за меня грѣшнаго, не оставь, умру скоро,—прощался въ послѣдній разъ старикъ Миронъ съ приходскимъ священникомъ, котораго онъ полюбилъ за привѣтливость и простоту въ обращеніи, не смотря на короткое время его служенія въ приходѣ.

Отправились въ обратный путь. Тяжелое предчувствіе наполняло душу молодого іерея. Все она, вспоминаетъ батюшка, твердить: умру, не встать мнѣ. Съ чего это? Еще съ годъ тому назадъ, возвращаясь съ праздника изъ ближайшаго села, она съ какою-то глубокою скорбью въ голосъ говорила: „Ш—, я вѣдь скоро умру“. А какъ теперь заболѣла, не перестаетъ повторять эти слова, которыя по сердцу его рѣжутъ. Вчера наказала, въ какое платье ее нарядить, когда умреть,—какъ родныхъ созвать на погребень? Господи, неужели Ты допустишь, чтобы она покинула меня? Не оставь меня слабаго одинокимъ, безъ любящей и доброй помощницы! Неужели она умреть?

Навстрѣчу кто-то быстро ѣхалъ на лошади. Это былъ посланный за священникомъ.

— Матушка плоха, зоветь скорѣе, поторопить велѣла, порывисто говорилъ посланный.

Священникъ, объятый горемъ, пересѣлъ въ его сани и велѣлъ гнать лошадь. Но занесенная снѣгомъ во время пурги дорога препятствовала скорой ѣздѣ. Минуты казались часами. Батюшка то и дѣло напоминалъ спутнику о необходимости спѣшить. Мокрая отъ трудной ѣзды лошадь остановилась у дома священника.

— Жива-ли? былъ первый вопросъ батюшки у подошедшей къ нему прислуги, съ цѣлью взять шубу.

— Еще жива, но плоха, отвѣчала та.

Больная лежала, какъ пласть. Глаза ея были открыты и пристально смотрѣли на мужа, но въ нихъ было мало мысли и жизни, дыханіе становилось трудно. Она уже не говорила: не сказала ему послѣдняго—прости, не дала послѣдняго завѣта, не высказала послѣдняго своего желанія.

Мужъ приникъ къ устамъ ея. Своимъ горячимъ дыханіемъ онъ хотѣлъ вдохнуть, затеплить въ ней жизнь. И о ужасъ!..

Уста умирающей дорогой супруги стали холодѣть. Онъ понялъ: смерть пришла. Дыханіе стало совсѣмъ рѣдко, онъ уловилъ послѣдній вздохъ. И горькія рыданія безъисходнаго горя, невыносимой скорби огласили комнату, гдѣ остывалъ трупъ той, которая такъ нужна была сельскому пастырю въ его трудной долѣ.

Ему поднесли его дѣвочку 9-мѣсячную Любашу. Онъ взялъ малютку на руки и продолжалъ рыдать. Рыданія отца и плачъ дитяти смѣшались, разносясь въ той комнатѣ, гдѣ жестокая смерть только что сейчасть приобрѣла себѣ новую жертву.

II.

— Что-то ихъ нѣтъ. А ужъ пора бы, скоро б,—посмотрѣвъ на часы, говорилъ своей женѣ Верховскій батюшка, сосѣдъ по приходу только что овдовѣвшаго священника. Въ послѣдній разъ, какъ мы были у нихъ, о. Александръ говорилъ, что онъ непременно пріѣдетъ къ намъ въ Новый годъ вмѣстѣ съ женою, которая, Богъ дастъ, къ тому времени поправится отъ болѣзни; если что-нибудь задержитъ, о. Александръ хотѣлъ послать сторожа за почтой, а не будетъ сторожа къ 5 часамъ вечера, значить они сами непременно пріѣдутъ.

— Можетъ быть на потребу позвали, ну и замедлили гости, промолвила матушка.

Батюшка продолжалъ чтеніе лежавшей предъ нимъ книги, изрѣдка поглядывая въ окно въ ту сторону, откуда должны явиться гости. Интересная книга приковала вниманіе батюшки. Вдругъ колокольчикъ прозвенѣлъ около священническаго дома и замеръ.

— Пріѣхали, оторвавшись отъ книги, сказалъ батюшка и, наскоро засвѣтивъ свѣчку, поспѣшилъ встрѣтить дорогихъ гостей. Отворивъ двери и увидѣвъ вышедшимъ изъ саней одного только священника, онъ спросилъ: „а гдѣ же супру...“

Голосъ оборвался, онъ не могъ договорить этого слова. Посмотрѣвъ на лицо о. Александра, онъ понялъ все.

— Она умерла... еле слышно прошепталъ молодой вдовецъ и бросился на грудь своего друга. Оба зарыдали. Голосъ матушки, приглашавшей ихъ въ комнаты, вывелъ изъ оцѣпенѣнія двухъ іереевъ, дѣлившихъ великое горе.

— Какъ быстро все это случилось! сквозь слезы говорили хозяева прибывшему гостю. Еще четыре дня, какъ мы у васъ сидѣли, и никому въ голову не могло придти, что болѣзнь приведетъ вашу матушку—къ смерти. Думали такъ — легкая простуда, какъ ранѣе бывало.

Прерывая свою рѣчь всхлипываніями, безсвязно и отрывочно рассказывалъ батюшка объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти его дорогой жены.

— Въ гости къ вамъ обѣщались, теперь уже вы поѣдете къ намъ скорбь раздѣлять, помолитесь о моей покойной матушкѣ. Панихиду пѣть звать я васъ пріѣхалъ.

Молча, погруженный каждый въ свои думы, ѣхали два собрата на П—у. Тихія всхлипыванія и восклицанія вдовца: „за что же, Господи?“ нарушали тягостное молчаніе.

Черезъ часъ оба батюшки стояли предъ бездыханнымъ трупомъ молодой женщины въ уютной теперъ большой комнатѣ священническаго дома.

Совершалась первая панихида. Скорбящій супругъ проникновенно читалъ тропари канона, сикясь молитвою облегчить свое горе.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Воззваніе предъ сборомъ пожертвованій на постройку новаго храма во имя Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ въ м. Тюребери.

Православные хрістіане! Вы знаете, что нигдѣ хрістіанинъ не находитъ такого утѣшенія, какъ въ храмѣ Божіемъ. Нѣтъ выше и чище радости, какую онъ получаетъ во время церковной молитвы, особенно при совершеніи Божественной Литургіи. Вспомните, какую отраду выносите вы изъ св. храма во дни великихъ праздниковъ, какимъ восторгомъ наполняется душа ваша во время пасхальной заутрени, когда въ храмѣ раздаются побѣдныя пѣсни Воскресшему Хрісту, умягчающія даже самыя жестокія сердца, какой миръ душевный чувствуете вы, когда въ посты являетесь во врачевницу духовную и приносите предъ пастьями Церкви свое искреннее раскаяніе во грѣхахъ, какая сладость вливается въ ваше существо чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Хрістовой, когда мы, недостойные люди, дѣлаемся едино со Хрістомъ.

Что можетъ быть для насъ дороже св. храма? Онъ — сокровище благодатныхъ дарованій, онъ — училище вѣры и благочестія, отрада для скорбящихъ, озлобленныхъ, недугующихъ. Когда вспомните все это, вы поймете, какого счастья лишены тѣ наши братья, которые не имѣютъ вблизи себя храмовъ Божіихъ. Эти люди достойны всякаго сожалѣнія. Особенно несчастны тѣ изъ нихъ, которымъ суждено жить среди иновѣрцевъ или раскольниковъ. Настанетъ великій хрістіанскій праздникъ. Раскольники идутъ къ службѣ въ свои молитвенные дома, находящіеся не вдалекѣ отъ ихъ жительства; а православные?.. Они, бѣдные, не имѣя возможности вслѣдствіе дальности разстоянія побывать въ храмѣ Божіемъ, въ великіе дни остаются дома, или идутъ послушать старовѣрской службы. Случается, что иные такъ привыкаютъ къ моленной, что отрекаются ради нея отъ Церкви православной. У раскольниковъ вездѣ имѣются наставники, къ которымъ они обращаются со своими нуждами и запросами; у рас-

кольниковъ чуть не каждый мужчина и даже женщина проникнуты горячимъ желаніемъ дружить и обращаться къ своей вѣрѣ, а православные, живущіе вдали отъ церкви, мало видятъ своего пастыря, рѣдко получаютъ отъ него наставленія и холодѣютъ въ вѣрѣ: дѣлаются равнодушными къ Церкви, св. таинствамъ ея, предаются пагубнымъ порокамъ, или уходятъ въ расколъ, губя свою душу на вѣки.

Въ подобномъ положеніи, опасномъ для вѣчнаго спасенія, находятся православные жители мѣстности Тюребери въ Кокшенгскомъ краѣ, Тотем. у. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они утѣшались тѣмъ, что стали имѣть вблизи себя храмъ Божій, на нихъ повѣяло благодатной весной, обѣщавшей согрѣть ихъ сердца и напоить ихъ водой отъ источника благодати Божіей и христіанской молитвы. Но промыслу Божію угодно было, чтобы храмъ этотъ сдѣлался жертвою огня. Въ то время, какъ раскольники, составляющіе большинство населенія Тюребери, послѣ дарованной имъ свободы высоко подняли свои головы, съ ревностью заботятся о привлеченіи на свою сторону малодушныхъ людей, хлопчутъ о благоустройствѣ молитвенныхъ домовъ, о торжественномъ богослуженіи, притягательную силу котораго они знаютъ,—православные остались безъ храма, безъ богослуженія, могущаго поддерживать ихъ духъ и преданность св. Церкви. Горсть вѣрныхъ сыновъ ея, неподдающихся влиянію сильного раскола, всею душею желаетъ имѣть вблизи себя храмъ, сознавая нужду въ немъ для душевнаго спасенія своего и своихъ потомковъ, но средствъ на постройку храма они не имѣютъ.

Прав. христіане! Сколько по лицу земли Русской построено св. храмовъ и сколько ихъ явилось только благодаря лишь пожертвованіямъ добрыхъ людей. Тысячи, миллионы православныхъ осчастливлены черезъ лепты благодѣтелей, но добротѣ сердца и любви ко Христу удѣляющихъ отъ щедротъ Господнихъ своимъ нуждающимся братьямъ. Христа ради, помогите построить еще одинъ прав. храмъ, воздвигнуть алтарь для принесенія Безкровной Жертвы тамъ, гдѣ забыли о ней, гдѣ инья гнушаются Тѣла и Крови Христовой, признаютъ возможнымъ спастись безъ причащенія. Пусть новый храмъ будетъ отрадой для православныхъ, свѣтильникомъ для сѣдящихъ въ сѣни смертной, кораблемъ, находящимся на которомъ избѣжали бы потопленія въ пучинѣ грѣха и раскола, доплыли бы до благоутишнаго пристанища и сдѣлались наслѣдниками Царства Божія со всѣми благоудившими Христу отъ вѣка!

Пожертвованія можно посылать на имя Редакціи „Церковнаго Слова“, Вологда, Канцелярія Преосвященнаго Епископа.

Сборъ пожертвованій въ церквахъ епархіи будетъ произведенъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней Великаго поста.